

Человечество осталось прежним со времен динозавров

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОХОТА

СТОЯЛ МАРТ. Снег в Урал-Тау еще и не думал сходить: он лишь набух, просел, стал пористым и местами почернел.

Это совсем не угнетало всех, кто очередной раз приехал отдохнуть от городской суеты. Несомненно, душа, устав от белой зимы, уже требовала весеннего наступления по всем фронтам леса, но, как известно, предвкушение праздника частенько приятнее самого события. Поэтому настроение у всех выехавших за город было приподнятое, весеннее.

Дровоман, забросив очередную порцию сухих поленьев в печку небольшой лесной баньки, присоединился к парням, которые, сидя у костра, решали мировые и вечные проблемы.

— Мы жить стали по-свински не оттого, что наступил год Красной Свины, а из-за нашей внутренней черствости, от глупости несусветной, — изливал душу подвыпивший Сергей.

— Да пойми, — вторил ему в унисон Александр, — человечество осталось прежним со времен динозавров. Мы как любили, так и любим, как ненавидели, так и продолжаем. Изменились обстоятельства, а мир, если хочешь, совсем другой. Под этот мир и подстраиваемся. Года вон себе напридумывали: то Петуха, то Собаки, теперь вот Свины. И жить пытаемся под обстоятельства, оставаясь в душе просто людьми.

— Да как мы живем! Частенько ближний пытается не плечо подставить, а ножку, чтоб споткнулся, то есть свиной подложить. Понятие морали растворяется в желании побольше хапнуть. Для этого и ведут себя многие по-свински. Так что название года, то есть нынешнего времени, себя как бы оправдывает.

— Статьи, о поросятках, — вмешался в разговор Дровоман. — Мы в баню сегодня пойдем или топим ее только для того, чтобы приблизить весну в Урал-Тау?

— Не понял, это ты нас свиньями обозвал, что ли? — завозмущался Сергей. — Мы тут эту тему проговорили, обсудили, и нас же и объявляют хрюшками! Ну, не свинство ли это?

— Пожалуй, до полных свиней вы еще не допились, но где-то на границе от поросят до хряков, несомненно, находитесь.

— Смотришь в зеркало, Аполлон, — обиделся и Александр.

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

— Да, критику надо начинать всегда с себя, — поддержал товарища Сергей.

— Ой-ой-ой, обиделись. Хотите, я расскажу вам правдивую историю о поросятках? — предложил Дровоман, чтобы потушить невест откуда взявшуюся агрессию собеседников.

— Если ты расскажешь правдивую историю, то я — испанский летчик во фритюре, — съязвил Сергей. — История твоя — это, случайно, не сказка о трех поросятках?

— Остряк! Не надо грязи. Здесь факты, имевшие место и время. Такое трудно выдумать.

— Еще скажи, с этим надо родиться, — не унимался Серега.

— Ты прямо «в дырочку». Родиться надо с чувством юмора и такта, чтобы уметь рассказывать и слушать. Так вот, дело было на тракте Челябинск—Магнитогорск в аккурат

между поселком Степным и небольшим городком Пласт. Там, как вы помните, великолепный бор вдоль дороги. Перевозили в какой-то свихоз в конце марта племенных свиной на открытом «ЗИЛе». Хряки были породистыми, злыми и дикими по натуре. Случилась на одном из поворотов трассы небольшая авария. Уж и не суть важно из-за чего, но водитель и сопровождающий не пострадали, а только сам «ЗИЛ» плавно ушел в кювет и перевернулся. Вся эта свиная братия, не будь дураками, пустилась напрямик в густой бор. Представляете? Стая диких хряков «свиной» двинулась к неожиданной свободе.

— А почему ты их называешь дикими? — поинтересовался Саша.

— Вы же сами предложили: «Смотришь в зеркало». Вот вы сейчас вы-

ехали за город, то есть на относительную свободу. Так? И ведете себя, соответственно, как дикие невоспитанные люди, потому что пребываете постоянно. Они, эти поросятки, не исключение. На свободе и тараканы становятся дикими. Ринулись племенные хряки в окрестные леса, разбрелись. Снег там к тому времени уже почти весь сошел, только прогалины виднелись. Это я к тому, что кормовая база в лесу уже имела.

— Ты так говоришь, будто сам за рулем этого «ЗИЛа» сидел, — сделал еще одну попытку «ушипнуть» Дровомана Сергей.

— Нет, саму сцену побега я не видел, но в дальнейшем действии участвовал.

— А что тут могло быть дальше? Прослезился да забыли про них. Отлавливать бесполезно, лес-то большой.

— Так и поступили хозяева. Они махнули на поиски рукой: мол, дорожка выйдут. Через некоторое время местные жители, попадавшие в лес, стали замечать огромных диких свиной. Там, конечно, водились кабаны, но эти отличались окраской и размерами. Да и в свирепости они не уступали своим собратьям. Были неоднократные случаи нападения этих зверюг на грибников и ягодников.

Когда я приехал погостить в те места, среди местных уже прокатился целый охотничий бум. Все, кто имел возможность стрелять, устремились в бор, чтобы добыть необычно крупную для этих мест дичь. Время от времени некоторым счастливицам это удавалось. Тогда и гуляла целыми улицами. Так веселились местные жители довольно долго. К зиме извели всех хряков, остались только воспоминания. Бум стих. Жители, в шутку, мечтали о машине с барашками на шашлык, а то и с бычками-производителями для пополнения стада. Но ничего такого больше не случилось. Так прошла зима. А по весне один из охотников, вернувшийся из бора, рассказал невероятную историю. Он якобы повстречал в лесу большую стаю диких кабанов. Все они, как один, были необычно большими, а главное — окраска этих животных была пестрая. Во главе этой компании кабанов находился здоровый боров, один из убежавших. Выжил он, видимо, в зимнюю стужу. И не просто выжил, еще и приплод произвел. До сих пор

потомство тех хряков в тамошних местах встречаются. Вот как бывает.

— Да, правдиво, не подкопаешься, — дружелюбно, совсем остывнув, протянул Сергей. — Получился рассказ про охоту на символ года, или, проще, про символическую охоту. Красиво! Только так не бывает, брехня все это!

— Хозяин — барин. Можешь и не верить, а только против фактов не поперешь.

— Где же факты? Слова одни.

— На меня посмотри, только внимательно.

— Ну!

— Пятачок гну. Я с тех пор как отъезжал там, в гостях, на холодец, на свинину и даже сало смотреть не могу. Даже на сало... Теперь поверили?

Аргумент сразу же сбил слушателей в мысли. Все можно опровергнуть, но против сала не поперешь. Это святое. Деликатес. И, чтобы отказать от него, надо иметь большие основания.

— Ладно, принимается, — нехотя произнес Александр. — Пора в баньку, а то остынет. А уж после порезвемся, «посвиным» в прямом и переносном смысле.

— Это как? — поинтересовался Сергей.

— А так, будем пить до «поросычьего визга» и закусывать салом да супчиком из свиных ребрышек. А уж про шашлык из свиной я молчу. Жаль только, что не съестя нам всего.

— Это почему?

— Да Дровоман-то, судя по рассказу, объелся, а следовательно, он нам не помощник.

— Нет, ребята, — встрял рассказчик, — я, конечно, смотреть не могу на все свиное, но бросить друзей погибать на поле «обжорства и излияний» считаю недостойным и малодушным поступком. Мне придется мучиться, давиться, но я обязан помочь друзьям в непростой ситуации. Так что пора попариться, а то сало испортится!

— А то!!!

Солнце притапливало снег к земле все больше и больше. Из баньки, затерянной в лесной глуши, раздавались восторженные поросычьих возгласы, отчего лес просыпался еще быстрее, понимая, что наступающая весна уже неизбежна...

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ,
работник комбината.

● НЕКРОЛОГ

Дорогой Санька Фатейкин

3 НОЯБРЯ после долгого и продолжительного зстоя в возрасте 43 лет, двух месяцев и одиннадцати дней ушел из жизни в гастроном и до сих пор не вернулся наш дорогой Санька Фатейкин.

Тем самым он оставил скорбеть меня, Степана, Антона, свою семью, кота Кузьку и весь наш и без того многострадальный народ.

Несмотря на то, что Санька болел за «Динамо», мы его все-таки уважали. Нам всегда не хватало этого оборота, особенно когда мы садились играть в карты или забивать козла, а теперь его уход мы переносим особенно тяжело.

Если кому-нибудь хотелось занять у Фатейкина денюжку, тот всегда шел просителю навстречу, просто этих самых денюжек у Саньки никогда не было, а раз так, то он никогда никому не отказывал. Мы глубоко скорбим о безвременном уходе нашего друга, поскольку он унес с собой наших «бабок» почти на две бутылки водки. Ну ничего, сейчас еще только полвосьмого, может быть, Санька еще подойдет. Честно говоря, с ним такое уже бывало. Но в случае чего — светлый образ Саньки Фатейкина навсегда сохранится в наших горячих сердцах и больных печенках.

Пусть будет пухом ему земля под тем забором, под которым он, быть может, сейчас дрыхнет.

ГРУППА ГОСПОД.

АЛЕКСАНДР ПЕРЛЮК.

Испытательный срок

ТЕЛЕПАТИЯ

У МИРОНОВЫХ зазвонил телефон. Наташа подняла трубку: «Я вас слушаю. Да-да, мы давали объявление. Хотели бы окружить заботой пожилого человека за унаследование жилья...»

А вам сколько лет?.. Возраст почтенный. А квартира какая?.. Двухкомнатная. И вы совсем один? Давайте познакомимся. Меня зовут Наташей. Мужа — Сергеем... Очень приятно. Степан Афанасьевич, мы с мужем придем к вам. Все обговорим...»

Через день супруги посетили Степана Афанасьевича. Старик Мироновым понравился. Несмотря на свои 75 лет, Степан Афанасьевич был живым и опрятным. Даже находил в себе силы иногда иронизировать по поводу своих недугов.

Обе стороны оказались щепетильными.

— Степан Афанасьевич, давайте сделаем так. Установим испытательный срок — три месяца. Вы будете привыкать к нам. Мы — к вам. А потом, если вам понравится, оформим договор у нотариуса, — предложили супруги.

Степан Афанасьевич растрогался.

Смахнул слезу. Прощаясь, долго тряс Сереевину руку, а Наташину — даже поцеловал.

— Милый старомодный человек, — сказала Наташа мужу в лифте...

Теперь утро у Мироновых начиналось с телефонного звонка дедушке. Узнавали, как он спал, как себя чувствует, что ему сегодня нужно. Навещали часто: то Сергей, то Наташа, то вдвоем. Подшучивали над стариковскими причудами.

Отношения Степана Афанасьевича и Мироновых становились все теплее. А на совместном ужине по случаю дня рождения Степана Афанасьевича он сказал:

— Мне бог не дал детей. И вот теперь я их обрел. Сейчас я по-настоящему понимаю смысл выражения: «Дети — цветы жизни». Спасибо вам, дорогие...

Время шло. До конца испытательного срока осталась неделя. И тут Наташа призналась мужу:

— Ты знаешь, Сережа, в последнее время мне не по себе оттого, что мы заботимся о Степане Афанасьевиче из корыстных соображений. Он мне стал просто родным. Давай будем заботиться о нем без оформления договора, как о настоящем отце или дедушке.

— Наташа, это телепатия! Я уже неделю думаю о том же! — воскликнул Сергей.

На другой день Мироновы объявили Степану Афанасьевичу о своем решении. В ответ Степан Афанасьевич сказал:

— У меня тоже есть что вам сообщить. Но боюсь, что устно у меня не получится. Поэтому изложил письменно.

И он подал Наташе исписанный лист:

«Уважаемая Наталья Александровна!

Три месяца назад я сдавал вступительные экзамены комиссии театрального института под вашим председательством. Когда я прочитал монолог Гамлета «Быть или не быть...», вы мне сказали: «Театр — не ваша сфера. Ищите, юноша, свое призвание в другой области». Наталья Александровна, я не пошел топиться в речке. Но все деньги, которые оставили родители, уезжая на гастроли, с горя прокутил за десять дней. А как я кормился остальные 80 дней, вы знаете. Простите меня, если можете. Абитуриент Нефедов Юрий Васильевич».

Завершив чтение, Сергей и Наташа бросили взгляд на «дедушку», который уже был без парика, усов и бороды. Потом Наташа сняла телефонную трубку, набрала номер своей приемной и сказала:

— Анастасия Петровна, заготовьте, пожалуйста, приказ следующего содержания: «Абитуриента Нефедова Юрия Васильевича зачислить на первый курс отделения актерского мастерства как сдавшего вступительные экзамены с оценкой «отлично»...

ДМИТРИЙ САМАРИН.